

ГОРОД КАК ИДЕОЛОГИЯ: ТЕЗАУРУС ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА «ПОКОЛЕНИЯ 1837 ГОДА»

Ю.А. Ларикова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, г. Москва, Стремянный пер., 36

В статье рассматривается малоизученный в отечественной испанистике социокультурный феномен латиноамериканского «учёного города» («la ciudad letrada») на примере интеллектуальной элиты Аргентины середины XIX века, известной как «Поколение 1837 года». Методом тезаурусного анализа исследуется политический дискурс её наиболее видного представителя, Д.Ф. Сармьенто (1811—1888), писателя романтической школы, просветителя и государственного деятеля, президента республики с 1868 по 1874 гг. Материалом исследования послужило его программное произведение «Факундо: цивилизация и варварство», вошедшее в литературный обиход под кратким названием «Факундо».

Изданный в 1845 году, в разгар многолетнего гражданского противостояния, «Факундо» снискал у соотечественников успех как жестокий памфлет в адрес губернатора провинции Буэнос-Айрес Х.М. Росаса, чья единоличная власть опиралась на грубую силу народных каудильо. Вместе с тем «Факундо» предстояло стать программным текстом языковой культуры Ла-Платы, в котором отразились контрасты картины мира «учёного города» Латинской Америки как периферии доминантной европейской цивилизации.

Результаты анализа позволяют судить о значении концептов «цивилизация» и «варварство» в культурном коде аргентинцев, а также проливают свет на другие аспекты цивилизационной и национальной идентичности аргентинского народа, в формирование которой деятели «учёного города» той поры – писатели, поэты, философы, историки и публицисты – внесли основополагающий вклад.

Ключевые слова: тезаурусный анализ, политический дискурс, культурная картина мира, цивилизация, варварство, Аргентина, «учёный город», гаучо, национальная идея, идентичность

В середине XIX века, после провозглашения независимости от Испанской империи рядом вице-королевств Латинской Америки, на территории новообразованных государств сформировалось просвещённое сословие, получившее в научной литературе название «учёного города» («la ciudad letrada»). Перед этой новой интеллектуальной элитой встала уникальная задача: составить символическую карту [17, с. 3] своих стран, переосмысляя на американской почве такие устоявшиеся в европейском сознании политические концепты, как «народ» («pueblo»), «нация» («nación») и «государство» («estado»).

Помимо сопротивления внешних реалий, как то: этническая разнородность населения, неграмотность подавляющей части общества, правовой хаос и техническая отсталость, амбициозный проект национального самоопределения подвергается испытанию изнутри латиноамериканской языковой личности, сформированной культурой Испании как бывшей метрополии, а также Франции и Великобритании.

В своей знаменитой монографии, посвящённой «учёному городу», уругвайский академик Анхель Рама (Ángel Rama) указывает на исторически сложившуюся зависимость латиноамери-

канских интеллектуалов от западноевропейского культурного кода, ощутимую и по сей день [19, с. 52]:

«Литератор XX века по-прежнему ощущает себя сосланным на обочину цивилизации, центр силы которой (а также читатель) принадлежит европейским метрополиям». (Здесь и далее перевод мой. Ю.Л.).

Этим парадоксом отмечена и культурно-языковая картина мира Доминго Фаустино Сармьенто, просветителя, публициста, президента Аргентины с 1868 по 1874 гг., яркого представителя влиятельного общественного движения «Поколения 1837 года» («Generación del 37»). Предметом данного лингвокультурологического исследования является аргентинский политический дискурс XIX века, рассматриваемый на материале программного произведения писателя «Цивилизация и варварство, или жизнеописание Хуана Факундо Кироги» («Facundo o civilización y la barbarie») 1845 года [21].

В статье используется метод тезаурусного анализа, получивший наиболее полное теоретическое обоснование в работах культуролога Владимира Лукова и его последователей. Определяя тезаурус как «субъектную организацию гуманитарного знания, или «структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект» [11, с. 94], учёные отмечают, что такой субъект может быть как индивидуальным, так и коллективным. Следовательно, тезаурусный метод позволяет выделить в дискурсе Сармьенто черты, свойственные культурной картине мира «Поколения 1837 года» в целом.

В свете теории тезауруса становится ясно, каким образом латиноамериканский культурный метатекст, «Факундо», послужил становлению национальной идентичности аргентинцев.

1. «Поколение 1837 года» как новый тип интеллектуальной элиты

Стремясь укрепить свою власть в колониях, начиная с XVIII века Испанская империя поощряла формирование городской элиты из крепольских идальго и разночинцев. Деятельность светской интеллигенции приобретала государственное значение, повышая престиж таких профессий, как врач, правовед, учитель и т.д.

Тем не менее высшее чиновничество на местах, как и военное руководство, по-прежнему состояло из выходцев из Испании, призвавших

креолов. Со временем, укоренившись в органах городской администрации, издательствах, университетских кафедрах, латиноамериканское просвещённое сословие заручается автономией по отношению к центральной власти, а в начале XIX столетия способствует консолидации общества в борьбе за свободу от колониального гнёта.

На поверку, сплочение широких слоёв населения против внешнего врага носило временный характер. Достижения антиколониальной Майской революции 1810 года, за которой в 1816 году последовало подписание Декларации независимости Аргентины, на протяжении десятилетий оспаривали два противоборствующих лагеря: федералисты, мобилизовавшие сельские массы под предводительством народных вождей (caudillos), и унитарии, представленные военными и интеллигенцией Буэнос-Айреса, а также других крупнейших городов страны.

На кону была победа либо либерального, либо консервативного пути развития Аргентины. В 1835 году вся полнота центральной власти сосредоточилась в руках Хуана Мануэля Росаса, губернатора провинции Буэнос-Айрес, который на словах отстаивал сохранение автономии провинций в рамках конфедерации, а на деле отдал полуфеодалную страну на произвол своих наместников-каудильо.

Как ответ на политическую реакцию, в Литературном Салоне Буэнос-Айреса, основанном в 1837 году уругвайцем Маркосом Састре, рождается интеллектуальное движение «Поколение 1837 года», объединившее под знаменем социального романтизма молодых аргентинских философов, историков, поэтов, драматургов и публицистов. Его идейные вдохновители, Эстебан Эчеве́риа (Ezequiel Esteban Echeverría), Хуан М. Гутьеррес (Juan M. Gutiérrez), Хуан Б. Альберди (Juan B. Alberdi), Бартоломе Митре (Bartolomé Mitre) и Доминго Ф. Сармьенто (Domingo F. Sarmiento), стали знаковыми фигурами культурных и общественных процессов латиноамериканского континента.

«Учёный город» Латинской Америки переживает очередной расцвет в Буэнос-Айресе не случайно. Благодаря образовательной реформе 1820-х годов, Школа Гуманитарных Наук и Университет Буэнос-Айреса предоставили бюджетные места для талантливой молодёжи из всех уголков страны. Диплом этих учреждений впоследствии определял принадлежность к избранному кругу передовой аргентинской интеллигенции, из которого долгое время был исключён «самоучка» из Сан-Хуана, Сармьенто.

При этом, в отличие от своих современников в Мексике, Чили или Перу, «Поколению 1837» не пришлось конкурировать с консервативными эстетическими течениями, поскольку режим Росаса отличался одинаковой враждебностью к любым проявлениям свободной мысли. По мнению историка Хорхе Мьерса (Jorge Myers) [18, с. 389], эти факторы способствовали формированию на аргентинской почве латиноамериканского интеллектуала нового типа, не ангажированного ни Церковью, ни государством.

«В Аргентине фундаментальный идейный прорыв, связанный с появлением на общественной сцене фигуры «интеллектуала», совпадает с зарождением Поколения романтиков. Нового интеллектуала отличала автономия по отношению к системной власти Государства, Церкви, корпораций и традиционных классов, неведомая ни колониальному «книжнику», ни средневековому священнику, чья социальная роль состояла в служении установленному политическому порядку и распространении слова Божия».

Лингвист А.А. Невокшанова замечает, что именно тогда, на встречах Литературного Салона, было положено начало дискуссии о самоопределении аргентинской нации [12, с. 434]. Писатели-романтики намеревались сформулировать национальную идею в духе просвещения и прогресса, причём, по ёмкому выражению Альберди, в основу такой идеи должно было лечь «el estudio de lo nacional» [18, с. 384], то есть тщательное изучение материальной и социальной действительности Аргентины.

Однако, как мы увидим в ходе тезаурусного анализа «Факундо», проект государственной идеологии, предложенный «Поколением 1837 года» и закреплённый – вслед за поражением Росаса в битве при Касеросе – в Конституции 1853 года, являлся проекцией мировоззрения лишь узкой прослойки аргентинского общества, ведь, согласно теории Вл. А. Лукова, тезаурус представляет собой субъективную картину мира, заведомо фрагментарную и в значительной мере противоречивую [11, с. 94].

2. Очерк «Факундо» как памятник пограничной культуры

В 1840-х годах многие из участников «Поколения 1837 года» эмигрировали в Чили, где им было предоставлено политическое убежище. Опальное положение сыграло на руку литераторам как распространителям наиболее радикаль-

ных на тот момент идей далеко за пределами Аргентины.

Как раз в это время к движению примыкает Доминго Ф. Сармьенто, уже известный публике как автор «Факундо», жестокого памфлета в адрес губернатора Буэнос-Айреса, чья диктатура опиралась на грубую силу каудильо, воплощённую на страницах произведения в исторической фигуре Факундо Кироги, прозванного в народе Тигром Равнин (el Tigre de los Llanos). Вслед за публикацией очерка в Сантьяго в 1845 году будущий «великий сан-хуанец» предпринимает двухгодичное путешествие по Западной Европе, Африке и США, изучая образовательную и миграционную политику зарубежных стран по поручению чилийского правительства. Своевременная рецензия во французском журнале «Обозрение Старого и Нового Света» («Revue des Deux Mondes»), посвящённая «Факундо», открыла посланнику двери в европейские литературные, а также во властные круги.

Отдавая дань цивилизационному наследию Старого Света в становлении латиноамериканского общества и государственности, Сармьенто подчёркивает природный и духовный потенциал молодой аргентинской нации, ввергнутой в «хаос» и «варварство» Росасом, деспотом, посягнувшим на ценности антиколониальной Майской революции 1810 года.

Однако за ясностью послания адресату по ту сторону Атлантики таились терзавшие автора концептуальные противоречия, очевидные для его аудитории в Латинской Америке. Спустя несколько лет, в прологе к итальянскому изданию он назовет «Факундо» «книгой странной, несообразной, бесформенной, вроде обломка утёса, сброшенного на голову титану» Росасу [22, с. 3].

Для конструирования социальной реальности Аргентины Сармьенто прибегает к спорному с точки зрения современной философии, однако общепринятому в политической риторике тех лет, онтологическому дуализму. Все сферы жизни общества, от политики до морали, оказались искусственно сведены в «Факундо» к полярным категориям «цивилизации» и «варварства».

В переводе с латыни термин «civitas» означает одновременно и государство, и городскую общину наподобие древнегреческого полиса. Если цивилизация – это гражданственность, то варварство – напротив, отсутствие гражданственности, ведь в классическую эпоху варварами пренебрежительно называли любых чужеземцев, обитавших за пределами полисов. Из сле-

дующей цитаты видно, что в сознании автора «Факундо» действует восходящий к античности образ-гештальт города-государства, очага цивилизации посреди необъятного мирового пространства, населённого дикарями.

«И действительно, есть нечто такое в необъятных просторах Аргентины, что вызывает в памяти азиатские просторы; душа чувствует какое-то сходство между пампой и пустынями, расположенными между Тигром и Евфратом, между одинокой вереницей повозок, пересекающих наши безлюдные равнины, чтобы после многомесячного путешествия достичь Буэнос-Айреса, и караваном верблюдов, направляющимся в Багдад или Смирну» [14, с. 19].

По утверждению культуролога И.В. Кондакова, цивилизационный подход в объяснении процессов развития общества начал складываться в 70-80-е годы XVIII века «в попытке осмыслить противостояние западно-христианской цивилизации другим мирам» [5, с. 21], с которыми столкнулась Европа вслед за Великими географическими открытиями. Изначально понятие «цивилизация» использовалось английскими и французскими просветителями как антитеза варварству.

В 1828 году Франсуа Гизо публикует «Историю цивилизации в Европе» [2], а два года спустя «Историю цивилизации во Франции» [3], откуда, как считает литературовед А.М. Власов [1, с. 90], Сармьенто заимствует представление о цивилизации как о достоянии европейских стран.

Однако если европейцы называли «варварами» народы, населявшие колонии, то Сармьенто проводит границу внутри своей страны, дискриминируя туземную и смешанную популяцию Аргентины. Подобное, подчас искусственное, обособление «своих» от «чужих» характерно для «пограничных культур», то есть таких, которые,

в определении культуролога А.А. Королевой, исторически формировались «на стыке цивилизаций» [6, с. 81], в момент складывания их коллективной идентичности.

Хотя, в отличие от индейских цивилизаций Центральной Америки и области Анд, коренные племена Ла-Платы не были носителями развитой культуры, латиноамериканист А.Ф. Кофман [7, с. 14] отмечает, что бытовое соприкосновение, «реальный и часто непредсказуемый опыт общения» с индейцами на протяжении столетий нарушал «чёрно-белую систему восприятия» их креолами, сообщая ему «промежуточные тона и оттенки».

Ещё меньше сомнений у современников вызвала укоренённость в истории и культуре молодой нации метисов гаучо, героев войны за независимость 1810–1816 гг. Не случайно харизматичный образ гаучо явился камнем преткновения идеологической системы, выстраиваемой Сармьенто.

3. Освоение варварского пространства в очерке Д.Ф. Сармьенто

Исследователи «Факундо» по сей день задаются вопросом: в каких логических отношениях состоят между собою в тексте члены универсальной дихотомии «своё» и «чужое», определяющей, по словам лингвиста Ю.С. Степанова, всякую коллективную картину мира [15, с. 41].

На первый взгляд, речь идёт о заявленном в полном названии очерка «Факундо» противопоставлении ценностных категорий «цивилизации» и «варварства», которые, в свою очередь, включают в себя множество исторических, геополитических, этнокультурных, этических, символических и других оппозиций, эксплицитно и имплицитно представленных в произведении. Основные из них приведены ниже в таблице.

Таблица 1. Антонимические пары в тексте «Факундо»

ЦИВИЛИЗАЦИЯ	ВАРВАРСТВО
Европа	Азия
Республиканская Франция	Абсолютистская Испания
Революционный Буэнос-Айрес	Колониальная Кордоба
Европоцентризм	Американизм
Креолы	Индейцы и метисы
Город	Село
Образованный горожанин	Пастух гаучо – полукровка, обитатель пампы, ведущий полукочевой образ жизни
Унитарии	Федералисты

ЦИВИЛИЗАЦИЯ	ВАРВАРСТВО
Бернардино Ривадавия – президент Объединенных Провинций Ла-Платы, преобразованных в 1826 г. Аргентинскую конфедерацию	Хуан Мануэль Росас – губернатор провинции Буэнос-Айрес и фактический глава Аргентины с 1829 по 1852 гг.
Генерал Хосе Мария Пас – герой борьбы за независимость Аргентины	Факундо Кирога – военный деятель, лидер аргентинского федерализма
Регулярная армия	Партизанские объединения
XIX век	Средневековье (XII в.)
Свобода	Деспотизм
Гражданское общество	Семейные кланы
Социальный контракт	Вождизм
Судоходные реки	Пустынная пампа
Светское государство	Католическая Церковь
Прогресс	Отставание в развитии, стагнация
Интенсивное земледелие	Экстенсивное животноводство
Трудолюбие	Потребительство
Культура	Невежество
Фрак	Пончо
Человек	Зверь
Разум	Инстинкт
Дух	Материя
Свет	Тьма

Тем не менее образы сельских персонажей, таких как гаучо-певец (*gaucho cantor*), злой гаучо (*gaucho malo*) или гаучо-следопыт (*gaucho rastreador*), столь живописно выведенные на страницах «Факундо», не говоря уже о пассионарном главном герое, Факундо Кироге, которого автор сравнивает с Магометом, Тамерланом и Александром Македонским, заставляют философа Оскара Терана (*Oscar Terán*) [23, с. 35 – 36] утверждать, что между концептами «цивилизации» и «варварства» как в заглавии, так и в смысловой структуре текста стоит соединительный союз, то есть у Сармьенто они образуют своего рода культурный «сплав». Подобная точка зрения преобладает и в работах отечественных литературоведов, в том числе латиноамериканиста В.Б. Земскова [4].

Другой аргентинский критик, Хулио Рамос (*Julio Ramos*) [20, с. 81], напротив, указывает на то, что дискурс Сармьенто представляет собой «иерархическое пространство», где «цивилизация» и «варварство» сосуществуют, но отнюдь не на равных. Цивилизация призвана подчинить себе чужеродное, варварское начало. Выражается это, в частности, в том, как устные высказывания «чужаков», будучи искусно вплетены в нормированную речь повествователя, представителя «учёного города», утрачивают естественность, превращаясь в орнамент, цитату.

Отталкиваясь от известных интерпретаций,

в этой статье мы рассматриваем проблему «своего» и «чужого» в очерке «Факундо» сквозь призму теории тезауруса. По словам её автора, Вл. А. Лукова [10, с. 20], любой межкультурный контакт предполагает «расширение человеческих горизонтов, освоение чужого с целью ввести его в состав своего», однако поскольку тезаурус выстраивается вокруг некоего ценностного ядра, «чужое» может быть усвоено субъектом, лишь пройдя цензуру его тезауруса.

Так, «варварство» проникает в тезаурус Сармьенто сквозь защитную «мембрану», сотканную из социальных теорий европейских просветителей и романтиков, стилистических приёмов писателей-костюмистов, из подчас неуклюжих метафор, как, например, гаучо – «филибуштеры равнин» («*filibusteros de tierra*»). В результате, от «чужого» остаётся лишь оболочка, его идеальный образ – аргентинская идентичность.

Лингвист Кутьева М.В. обращает внимание на то, что слово в полной мере реализует свой концептуальный потенциал, лишь «живя в языке коллектива», где оно «насыщается разнообразными семантическими нюансировками» [8, с. 119]. Примечательно, что в тексте «Факундо» этноним «аргентинский» употребляется преимущественно в оценочно-нейтральном смысле, для обозначения территориальной, либо национальной принадлежности («Аргентинская Республика», «аргентинский

пролетарий», «аргентинский писатель»), а концептуально-нагруженное содержание обретает только в пассажах о пампе и гаучо, то есть тогда, когда автор обращается к тем реалиям жизни своего народа, которые он же называет «варварскими».

Рассматривая некоторые компоненты национальной идентичности, теоретически выделенные И.В. Кондаковым [5, с. 80 – 103] применительно к аргентинской языковой культуре, мы иллюстрируем их содержание цитатами из произведения Сармьенто.

Таблица II. Компоненты аргентинской идентичности в «Факундо»

Компоненты идентичности	Содержание	Примеры
Восприятие пространства	Необъятная территория без чётких границ между водным, земным и воздушным пространством	«...Что пробуждается в душе жителя Аргентинской Республики, когда он обратит свой взор к горизонту и видит... и ничего не видит, ибо чем дальше всматривается он вдаль, углубляясь в созерцание неясных, бескрайних, подёрнутых дымкой просторов, тем более далёким кажется ему горизонт, тем больше он завораживает и приводит его в замешательство, повергает в сомнение. Где пределы того мира, который напрасно пытается постичь аргентинец? Этого он не знает! Что находится там, дальше, за горизонтом? Одиночество, опасность, дикари, смерть!» [14, с. 29].
Социокультурный типаж	Гаучо (злой гаучо, певец, следопыт и т.д.)	«Самый удивительный, самый необыкновенный человек – это Растреадор-Следопыт. Все гаучо из глубинных областей умеют читать следы. На обширных равнинах, где пересекаются идущие в самых разных направлениях дороги и тропы, а пастбища не имеют ограждений, необходимо уметь обнаруживать нужный след среди тысячи и определять, как движется животное: медленно или быстро, свободно или в узде, с грузом или без груза – это народная, домашняя кухня» [14, с. 32].
Черты психики	Индивидуализм, удаль, презрение к смерти	«Жителя пампы держат в страхе если не дикари, то тигр, который может его подстеречь, или змея, на которую он может наступить. Привычная и постоянная неуверенность в собственной безопасности накладывает, на мой взгляд, на характер аргентинца отпечаток стоического смирения перед насильственной смертью (...) и, возможно, это объясняет отчасти то безразличие, с каким аргентинец убивает и сам встречает смерть...» [14, с. 16].
Историческая память	Майская революция 1810 года; война за независимость Аргентины (1810 – 1816 гг.)	«Аргентинцы, к какому бы классу они ни принадлежали, цивилизованные или невежественные, имеют высокое представление о себе как о нации... (...) Разве не помогли завоевать независимость этой части Америки отчаянные аргентинские гаучо, не видевшие под солнцем никого выше себя, никого более умудрённого, более сильного?» [14, с. 26].

Сармьенто фиксирует сосуществование в постколониальном аргентинском обществе варварства и цивилизации, двух начал, побуждающих его к развитию. Любопытно, что культуролог М.Г. Курбанов [9, с. 184 – 194] усматривает в варварстве «тело» цивилизации: то «природное начало», без которого она «повисает в воображении как пустая абстракция». Так, образ варвара позволил писателю вдохнуть жизнь в несколько ходульный «фрак» (метонимическое обозначение образованного горожанина-креола) и тем самым преодолеть одномерность идентичности

аргентинцев как наследников европейской цивилизации.

Как полагает испанист Г.С. Романова [13], выбор романтиков «Поколения 1837 года», равно как и авторов «поэзии гаучо», венцом которой стал «Мартин Фьерро» (1872) [16], в пользу данного национального типажа объясняется тем, что колоритный обитатель пампы находился «вне круга пишущих о нем интеллектуалов», а значит, можно было творить народный идеал в кабинетах, не опасаясь вторжения «грубой реальности». В терминах тезаурусной теории та-

кую попытку следует трактовать как «освоение», или даже присвоение «учёным городом» некогда «чуждого», варварского пространства.

Парадоксальным образом «открытие» сельского мира латиноамериканской литературой совпало с угасанием устной народной традиции вследствие урбанизации и – часто насильственной – аккультурации. Закономерно, что в первую перепись населения Аргентины, произведённую в 1869 году, во время президентского правления Сармьенто, не были включены коренные племена, занимавшие несколько провинций страны. Позднее, в результате карательной кампании 1879 – 1884 гг., вошедшей в исторические хроники под названием «Завоевание пустыни», остатки индейцев и гаучо лишились своих земель.

Итак, проведённый тезаурусный анализ подтверждает, что антиномия «цивилизация и варварство» способствовала резкой сегрегации аргентинского общества во второй половине XIX века. Между тем действенность её в масштабах Латинской Америки не вызывает сомнений. В силу короткой национальной истории народы новых республик особенно остро нуждались в самоопределении по отношению к остальному миру, тогда как бинарная формула, предложенная Сармьенто, давала на этот вопрос принци-

пиальный ответ. Когда многим казалось, что вместе с крахом утопии Симона Боливара о создании единого Южноамериканского государства интеграционный проект Нового Света себя изживает, публикация «Факундо» явилась веским аргументом в пользу того, что центр американской цивилизационной идентичности необходимо искать в Европе.

Европоцентрическая картина мира долгое время преобладала как догма в сознании аргентинцев, вплоть до глобального кризиса 1929 года, когда на фоне экономического спада стала складываться школа ревизии аргентинской истории в духе национализма и антилиберализма. По мнению ревизионистов, в битве при Касеросе 1852 года вместе с губернатором Буэнос-Айреса Росасом потерпели поражение традиционные аргентинские ценности («argentinidad»), а дальнейший курс на стимуляцию притока капитала и рабочей силы из Старого Света превратил Аргентину в «иностранный колонию». В заключение необходимо отметить, что, хотя дискуссия вокруг фигуры Доминго Ф. Сармьенто не затихает и в XXI веке, дискурс его противников по-прежнему отражает бинарную мыслительную парадигму, заданную деятелями «Поколения 1837 года», в том числе самим автором «Факундо».

Список литературы

1. Власов А.М. Идеология цивилизации и варварства в творчестве Д.Ф. Сармьенто // Латинская Америка, 2000. №3. С. 88–103.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М. : Территория будущего, 2007. 336 с.
3. Гизо Ф. История цивилизации во Франции в 4-х томах. Том I. Лекции I - XV. М. : Рубежи XXI, 2006. 328 с.
4. Земсков В.Б. Творчество Доминго Фаустино Сармьенто и литературное развитие в 50–70х годах. // История литератур Латинской Америки. Том II. М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1988. С. 452–474.
5. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.
6. Королева А.А. Восприятие пространства и времени в испанской и русской культурных картинах мира. // Латинская Америка. 2015. №2. С. 80–92.
7. Кофман А.Ф. Тема варварства в испаноамериканской литературе. // Литература двух Америк. 2016. №1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 8–49.
8. Кутьева М.В. Денотативы-символы в русской и испанской поэзии. // Вестник РУДН, сер. «Вопросы образования: языки и специальность», 2005. №1. С. 119–126.
9. Курбанов М.Г. Дикость, варварство и цивилизация как исторические формы трансляции культуры. // Модусы времени: социально-философский анализ: Сб. статей / Под ред. И. В. Кузина. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 184–194.
10. Луков Вал., Луков Вл. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания. // Знание. Понимание. Умение. М.: 2014. №1. С. 18–35.
11. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках. // Знание. Понимание. Умение. Москва, 2004. №1. С. 93–100.
12. Невокшанова А.А. Лингвистическое осмысление языковой ситуации в Аргентине в первой половине XIX века (языковые идеи «Поколения 1837 года»). // Вестник Орловского государственного университета. 2011. №2. С. 434–436.
13. Романова Г.С. Чилийская и аргентинская языковая личность в зеркале ключевых концептов: gaucho и huaso. // Тезисы доклада XLVII Международной филологической научной конференции. // Сайт Санкт-Петербургского государственного университета. 2018. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.conference-spbu.ru/conference/38/section/669/>. (Дата доступа: 02.09.2018).

14. Сармьенто Д.Ф. Факундо: Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики. М. : Наука, 1988. 272 с.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
16. Hernández J. Martín Fierro. Madrid : Ed. Cátedra, 2005. 424 p.
17. Montaldo G. El cuerpo de la patria: Espacio, naturaleza y cultura en Bello y Sarmiento. // *Hispanamérica*, 1994. № 3. P. 3–20.
18. Myers J. La revolución en las ideas: La generación romántica de 1837 en la cultura y la política argentinas. // *Nueva historia argentina*. T. 3. Buenos Aires : Sudamericana, 2005. P. 381–445.
19. Rama A. La ciudad letrada. Hanover: Ediciones del norte, 1984. 176 p.
20. Ramos J. Saber del otro: escritura y oralidad en el Facundo de Domingo Faustino Sarmiento. // *Desencuentros de la modernidad en América Latina*. Carácas : Fundación Editorial El Perro y la rana, 2009. P. 65–90.
21. Sarmiento D.F. Facundo o civilización y barbarie. Buenos Aires : Sopena, 1960. 261 p.
22. Scarano M.E. «Facundo»: un libro americano: fundar en el desierto, escribir (desde) la frontera. Biblioteca Virtual Universal, 2010. 51 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.biblioteca.org.ar/libros/154652.pdf>. (Дата доступа: 02.04.2018).
23. Terán O. Para leer el Facundo. Civilización y barbarie. Cultura de fricción. Buenos Aires : Capital intelectual, 2007. 104 p.

Сведения об авторе:

Ларикова Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков №2 РЭУ им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: культурология, лингвистика, преподавание иностранных языков, теория и практика перевода. E-mail: julia.larikova@gmail.com.

CITY AS IDEOLOGY: THESAURUS OF «GENERARION 1837» POLITICAL DISCOURSE

Yulia A. Larikova

Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremianny per., 117997, Moscow, Russia

Abstract: *The article examines the sociocultural phenomenon of the Latin American «lettered city» («la ciudad letrada»), still poorly studied in Russia, by focusing on the Argentine intellectual elite of the mid-19th century, known as «Generation 1837». The political discourse of its most prominent representative, Domingo F. Sarmiento (1811–1888), writer of the romantic school, enlightener and statesman, president of the republic from 1868 to 1874, is investigated using the method of thesaurus analysis. The material of the present study is his essay «Facundo: Civilization and Barbarism» (1845).*

The results of the analysis make it possible to redefine the relation between the concepts of «civilization» and «barbarism» in the cultural code of the Argentines, as well as allow to shed light on other aspects of both civilizational and national identity of the Argentine people, to which a fundamental contribution was made by very famous writers, poets, philosophers, historians and publicists of «Generation 1837».

Key Words: *thesaurus analysis, political discourse, cultural picture of the world, civilization, barbarism, Argentina, «lettered city», gaucho, national idea, identity*

References

1. Vlasov A.M. Ideologiya tsyvilizatsii i varvarstva v tvorchestve D.F. Sarmiento [Civilization and Barbarism in the Works of D.F. Sarmiento] // *Latinskaia Amerika*, 2000. №3. P. 88–103.
2. Guizot F. Istoriia tsyvilizatsii v Evrope [History of Civilization in Europe]. M. : Territoriya budushchego, 2007. 336 p.
3. Guizot F. Istoriia tsyvilizatsii vo Frantsii [History of Civilization in France]. Vol. I. Lectures I - XV. M.: Rubezhi XXI, 2006. 328 p.
4. Zemskov V.B. Tvorchestvo Domingo Faustino Sarmiento i literaturnoe razvitie v 50–70kh godakh. // *Istoriia literatur Latinskoi Ameriki* [Works of Domingo Faustino Sarmiento and Literary Development in 1850-1870s // History of Literatures of Latin America]. Vol. II. M. : Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, 1988. P. 452– 474.
5. Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. Tsyvilizatsionnaia identichnost' v perekhodnuii épokhu: kul'turologicheskii, sotsiologicheskii iskusstvedcheskii aspekty [Civilization Identity in a Transitional Era: Cultural, Social and Art Criticism Aspects] M. : Progress-Traditsiia, 2011. 1024 p.

6. Koroleva A.A. Vospriatie prostranstva i vremeni v ispanskoi russkoy kul'turnykh kartinakh mira. [Perception of Space and Time in Spanish and Russian Cultural Pictures of the World] // *Latinskaia Amerika*. 2015. №2. P. 80–92.
7. Kofman A.F. Tema varvarstva v ispanoamerikanskoi literature. // *Literatura dvukh Amerik*. [Theme of Barbarism in Hispanic Literature. // *Literature of Two Americas*] 2016. №1. M. : IMLI RAN, 2016. P. 8–49.
8. Kut'eva M.V. Denotativy-simvoly v russkoi i ispanskoi poezii. // *Vestnik RUDN*, «Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'» [Denotatives As Symbols in Russian and Spanish Poetry // *Vestnik RUDN*, «Educational Issues: Languages And Speciality»], 2005. №1. P. 119–126.
9. Kurbanov M.G. Dikost', varvarstvo i tsivilizatsiia kak istoricheskie formy transliatsii kul'tury. // *Modusy vremeni: social'no-filosofskii analiz* [Savagery, Barbarism And Civilization As Historical Forms of Cultural Transmission // *Modus of Time: Social And Philosophical Analysis*] : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. P. 184–194.
10. Lukov Val., Lukov Vl. Metodologiya tezaurnogo podkhoda: strategiia ponimaniia. // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Thesaurus Methodology: the Strategy of Understanding. // *Knowledge. Understanding. Skills.*] M. : 2014. №1. P. 18–35.
11. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Tezaurny podkhod v gumanitarnykh naukakh. // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Thesaurus Methodology in Humanitarian Science. // *Knowledge. Understanding. Skills.*] M. : 2014. №1. P. 93–100.
12. Nevokshanova A.A. Lingvisticheskoe osmyslenie iazykovoi situatsii v Argentine v pervoi polovine XIX veka (iazkyovye idei «Pokoleniia 1837 goda»). [Linguistic Understanding of the Language Situation in Argentina in the Second Half of the XIX Century] // *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. №2. P. 434–436.
13. Romanova G.S. Chiliiskaia i argentinskaia iazykovaia lichnost' v zerkale kliuchevykh kontseptov: gaucho i huaso. // *Tezisy doklada XLVII Mezhdunarodnoi filologicheskoi nauchnoi konferentsii* [Chilean And Argentinian Language Personality in the Mirror of Their Key Concepts: Gaucho And Huaso // *Theses of the Report for the XLVII International Philological Scientific Conference*] // *Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet*. 2018. [Electronic resource] — Retrieved from: <http://www.conference-spbu.ru/conference/38/section/669/>. (Date of access: 02.09.2018).
14. Sarmiento D.F. Fakundo: Tsivilizatsiia i varvarstvo. Zhizneopisanie Khuana Fakundo Kirogi, a takzhe fizicheskii oblik, obychai i navy Argentinskoi Respubliki [Civilization And Barbarism. Biography of Juan Facundo Quiroga, As Well As the Physical Appearance, Customs And Manners of Argentine Republic]. M. : Nauka, 1988. 272 p.
15. Stepanov I.U.S. Konstany. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. M.: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1997. 824 p.
16. Hernández J. Martín Fierro. Madrid : Ed. Cátedra, 2005. 424 p.
17. Montaldo G. El cuerpo de la patria: Espacio, naturaleza y cultura en Bello y Sarmiento. [The Body of the Country: Space, Nature and Culture in Bello And Sarmiento] // *Hispanérica*, 1994. № 3. P. 3–20.
18. Myers J. La revolución en las ideas: La generación romántica de 1837 en la cultura y la política argentinas. [The Revolution of Ideas: The Romantic Generation of 1837 in Argentine Culture And Politics] // *Nueva historia argentina* [The Revolution of Ideas: The Romantic Generation of 1837 in Argentine Culture And Politics] // *New Argentinean History*. Vol. 3. Buenos Aires : Sudamericana, 2005. P. 381–445.
19. Rama A. La ciudad letrada. [The Lettered City] Hanover: Ediciones del norte, 1984. 176 p.
20. Ramos J. Saber del otro: escritura y oralidad en el Facundo de Domingo Faustino Sarmiento. // *Desencuentros de la modernidad en América Latina* [Knowing the Other: Writing And Orality in the Facundo by Domingo Faustino Sarmiento. // *Disencounters of Modernity in Latin America*]. Carácas : Fundación Editorial El Perro y la rana, 2009. P. 65–90.
21. Sarmiento D.F. Facundo o civilización y barbarie [Facundo, Or Civilization And Barbarism]. Buenos Aires : Sopena, 1960. 261 p.
22. Scarano M.E. «Facundo»: un libro americano: fundar en el desierto, escribir (desde) la frontera [«Facundo»: An American Book: Founding in the Desert, Writing (from) the Border]. *Biblioteca Virtual Universal*, 2010. 51 p. [Electronic resource] — Retrieved from: <http://www.biblioteca.org.ar/libros/154652.pdf>. (Date of access: 02.04.2018).
23. Terán O. Para leer el Facundo. Civilización y barbarie. Cultura de fricción. [To Read the Facundo. Civilization And Barbarism. Culture of Friction.] Buenos Aires : Capital intelectual, 2007. 104 p.

About the author:

Larikova Yulia Anatolievna – Senior Teacher at Foreign Languages Department №2 of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow). Sphere of scientific and professional interests: cultural studies, linguistics, teaching of foreign languages, theory and practice of translation. E-mail: julia.larikova@gmail.com.

* * *